

Шабес В.Я. Событие и текст: монография. – М.: Высшая школа. – 1989. – 175 с.

Источник

Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского // Памятники литературы Древней Руси: XIV – середина XV в. – М. – 1981 (В тексте – Слово).

References

Avgustin igumen (Anisimov). Aleksandr Nevskij i svjatost' // Materialy istoriko-filosofskih chtenij, posvjashennyh 775-letiju so dnja rozhdenija Aleksandra Nevskogo. – Ivanovo: IGJeU. – 1995. – S. 5–10.

Kamalova A.A. Semanticheskie tipy predikatov sostojanija v sistemnom i funkcional'nom aspektah: monografija. – Arhangel'sk: Pomorskij gosudarstvennyj universitet imeni M.V. Lomonosova. – 1998. – 325 s.

Kubrjakova E.S. i dr. Kratkij slovar' kognitivnyh terminov. – M.: Moskovskij gosudarstvennyj universitet imeni M.V. Lomonosova. – 1997. – 245 s.

Shabes V.Ja. Sobytie i tekst: monografija. – M.: Vysshaja shkola. – 1989. – 175 s.

Slovo o zhitii i prestavlenii velikogo knjazja Dmitrija Ivanovicha, carja russkogo // Pamjatniki literatury Drevnej Rusi: XIV – sredina XV v. – M. – 1981 (V tekste – Slovo).

УДК 811.161.1-112+801.8

ББК 81.2

Т.П. Рогожникова

Tatiana P. Rogozhnikova

**Концептуальная сущность окказиональных форм
в старорусском языке**

**Conceptual essence of the occasional forms
in the Old Russian language**

Аннотация: В статье рассматриваются способы концептуализации святости в старорусском языке. Анализируются окказиональные словообразовательные модели в агиографии XV–XVI веков. Делается вывод о связи внесистемных языковых средств с процессом создания гиперонима.

Ключевые слова: концептуализация; агиография; окказиональные словообразовательные модели; гипероним.

Abstract: The ways of conceptualization of sanctity in the Old Russian language are considered. Occasional word-formation models in a hagiography of XV–XVI centuries are analyzed. The conclusion is drawn on connection between not system language means and process of a hyperonym creacion.

Keywords: conceptualization; hagiography; occasional word-formation models; гипероним.

В работах, посвященных становлению русской ментальности, выделяется три основных логико-ментальных процесса, которые одновременно характеризуются и

как этапы развития языкового сознания: ментализация, идеация и идентификация [Колесов, 2002; 2007]. Смена основных понятий и концептов русской ментальности представлена в истории русского литературного языка, которая хронологически представляет собой смену трех периодов – древнерусского, старорусского и Нового времени. Наиболее сложным (и с точки зрения предьявленности в языке / тексте, и относительно систематизации и описания характера концептуализации), на наш взгляд, является второй процесс / этап – идеация в старорусском языке. В.В. Колесов определяет идеацию как «процесс наполнения полученных (в период древнерусской ментализации – *Т.Р.*) символов специфически идеальными, освященными традицией смыслами» [Колесов, 2007, с. 143]. Ученый также показывает, как именно происходит «наполнение смыслами», закрепленное в изменениях языка, делая это преимущественно на лексико-семантическом материале.

Вместе с тем проблема становления ментальности тесно связана с этапами истории русского литературного языка – на разных его уровнях – как главного интеллектуального орудия средневековья. Грамматический аспект выделения существенного концептуального признака воспринятых христианских символов практически не изучен, тогда как словесность XV–XVI веков («темных», по мнению многих ученых) дает блестящие образцы именно грамматических средств выражения существенного признака предмета или явления.

Целью нашей статьи является характеристика наиболее показательных языковых приемов и способов концептуализации святости – основной ментальной категории зрелого русского Средневековья. Источником языкового материала служат житийные тексты обозначенного периода, а собственно лингвистическим материалом – внесистемные языковые формы, способствующие созданию гиперонима.

В связи с этим следует уточнить, что гиперонимизация представляет собой создание логических признаков рода в направлении от образа к понятию, развитие все более общего (типичного) значения слов (генерализация признаков понятия) [Колесов, 2002, с. 220]. Понятию присущи объем и содержание. Для создания отличительных (существенных) признаков предмета или явления необходимо отвлечение от конкретности. При этом признаки различения составляют содержание понятия, оно, в свою очередь, оперирует общим – родовым – и самым существенным признаком различения, необходимым и достаточным, чтобы выделить главное из того, что необходимо знать о предмете в данный исторический момент его познания.

Гиперонимизация проявляется в процессе называния, обозначения какого-то участка речемыслительной деятельности, т.е. в развитии аналитических средств познания. Чем больше семантических признаков выделено в языке (слове-логосе), тем больше родовых признаков понятия в нем накапливается.

Тексты житий дают разнообразный материал для исследования способов и средств гиперонимизации на лексическом, словообразовательном, морфологическом, синтаксическом и переходных между ними лингвистических уровнях, путем сверхабстрагирования – достижения высшей степени отвлеченности. Отвлеченность и сверхотвлеченность семантики на формальном уровне соответствуют среднему и высокому стилю (книжные формы и гиперизмы).

Противоречия между жесткими рамками книжности и развивающейся системой живого языка, категорическое отталкивание от последнего привело к нормированию и моделированию «высокого языка» и вытекающему из этого процесса обращению к неизвестным в народно-разговорном субстрате лексемам и грамматическим формам [Толстой, 1998, с. 142].

Характерно, что наибольшее количество окказионально усложненных форм выделяется в житиях именно на уровне словообразования – одного из важнейших факторов стилистической организации текстов. Словообразовательный «взрыв» – специфическая черта XVI века среди других этапов истории русского языка, что нашло отражение в отдельном томе обширного по охвату источников, содержащих богатый в отношении словообразовательных моделей языковой материал, статистического исследования группы ученых Санкт-Петербургского университета под руководством А. С. Герда [Лексика и словообразование..., 1993].

Словообразование этого периода в стилистическом аспекте, представленное в текстах разных жанров, в частности в житиях, стало одним из важнейших направлений в исследованиях Казанской лингвистической школы [Николаев, 1987; и др.]. В них доказано, что и в сакральных текстах этот «взрыв» реализовался как средство абстрагирования повествования (и одновременно сгущения смысла) и как результат абстрагирования, способ создания стилистически маркированных языковых единиц.

«Словообразование – одно из важнейших языковых факторов стилистической организации текста» [Николаев, 1987, с. 111]. При этом важно, что «экстенсивная – книжная – традиция дает своего рода синонимию, т.е. множество окказионально усложненных форм при общности лексического значения, сосредоточенного в корневой морфеме» [Колесов, 1997, с. 246]. Если же словообразовательные возможности системы исчерпаны, стремление усилить отвлеченность текста приводит авторов к созданию языковых новаций, при этом релевантным оказывается уровень слова и словосочетания, а результаты подобных поисков

представлены в «Макариевском цикле» обилием языковых фактов, главным образом различными моделями субстантивного словообразования.

Наибольшей частотностью в агиографии ВМЧ (Великие Минеи Четьи) характеризуются отглагольные субстантиваты – традиционно книжная языковая особенность. Показательно, что суффиксальные словообразовательные модели кажутся авторам более предпочтительными, нежели модели непроизводные или с нулевой суффиксацией: вместо *страх* употреблено *страхование* (*понеже наиде на нь **страхование** от неприязни* (ЖтПБ, л. 72 об.)), вместо *труд* – *потруждение* (*постническое его **потруждение** исправления* (ЖтПО, стб. 423а)), форме *обход* соответствует *обхождение* (*съверши же блаженны седморичное **обхождение** времен* (ЖтПБ, л. 65)), форме *любовь* – *любление* (*вся съблазны и суеты **любление** и сласти мирскіа отрезаєт* (ЖтПО, стб. 483в)).

Предпочтение отглагольных суффиксальных моделей субстантиватов вызвано их книжным обликом и звучанием. С точки зрения функционально-семантической, эти формы способствуют усилению процессуальности аналогично тому, как гиперкорректные формы – сочетания имперфектной связки глагола *быти* и личной формы знаменательного глагола (типа *бѣше видяху*) – актуализируют длительность, незавершенность действия.

Однако та же модель может выполнять абстрагирующую функцию, выступая как результат замены глагола именем (один из традиционных механизмов абстрагирования повествования): *бысть же нужи нѣкоеи належати монастырю отъ архієпископа Еуфиміа прѣваго, овогда **насилъствієм** среброиманія, иногда монастырьских конєи **отъятіємъ*** (ЖтМК, стб. 746); *лѣность всяку отврѣшиє и удобьобратное нерадѣніє* (ЖтПО, стб. 427в).

Подобное обновление различных аффиксов, употребление их в новых значениях, рожденных из соединения семантически различных суффиксов в одном слове, является причиной создания авторами гиперкорректных образований. Формально это усложнение изначально простых моделей, аналогичное парам *труд* – *потруждение*, *любовь* – *любление*. Функция их в данном случае сводится к созданию формально усложненных вариантов для нейтральных книжных. Семантически отвлеченное, неосложненное суффиксально воспринимается как «недостаточно» (умеренно) сакральное.

Тем не менее некоторые агиографы не останавливались на использовании абстрактных форм и шли дальше по пути формального усложнения языка житий. Отличие таких форм от приведенных девербативов состоит не в создании новой степени отвлеченности действия, а в использовании уже существующих в системе книжного языка моделей и их словообразовательной семантики, синтезированной в

пределах слова. Подобной гиперкорректной формой в житиях ВМЧ является существительное *съподружебъникъ*, не зафиксированное в исторических словарях: *прииде же преподобнии Деонисеи на посѣщеніе съподружебника своего* (ЖтГП, стб. 984).

Употребления непроизводного *другъ* в рассмотренных житиях цикла отмечено не было. В текстах, созданных во второй половине XV в., как наиболее простая встречается модель *подругъ*: *ниже тамо суци жителіе христороубци мужи нарочиты именем Іліа того подруг и сусѣдь Сидор* (ЖтДП, л. 80). В светских и деловых текстах XVI века наиболее частотна форма *подружие*, в которой значение совместности действия усиливалось приставкой с комитативной семантикой *съ-* (ср. *съподвижникъ*).

Формант *съпо-* содержит значение совместности и перфектную глагольную семантику (ср. *съповѣдати*, *съпогрестися*, *съпожити* и многие другие глаголы аналогичного способа словообразования). Одновременно с глагольной сферой в представленной модели *съподружебъникъ* углубляется и расширяется сфера имени, но в этом случае имеет место суффиксальное распространение: добавляются суффикс *-ѣб-* (*дружьба*) со значением действия-процесса, суффикс *-н-*, имеющий семантику опредмеченного результата действия, и, наконец, суффикс *-ик-*, обозначающий действующее лицо.

В житиях XVI века велика частотность имен со значением 'совместно действующие лица', поскольку именно это значение было существенным для агиографии, ее идейной направленности: святой имел многочисленных врагов, возглавляемых и направляемых дьяволом, на этом фоне особенно важной становилась поддержка немногих верных и последовательных его единомышленников. Кроме того, формы выражения комитативности релевантны для тех текстов, где два героя действуют совместно: *елма же виде разъсуднѣишии пастырь в добродѣтелях мужа, съвозлюбися с нимъ, яко же реци едину волю имѣста духовную съ любовію* (ЖтГП, стб. 2273). В приведенном примере автор посчитал необходимым уточнить признак духовного единства в значении употребленной формы.

Продуктивная модель с данным формантом представлена и в других формах: причастной – *днесъ ангеломъ съликоствующемъ, пророкомъ съвеселящимся с праведными* (ЖтДП, л. 85), атрибутивной – *Слово Божіе съприсносуицное и съестественно* (ЖтМК, стб. 752). В зависимости от корневой семантики характер совместного действия может быть разнообразным: *яко жребии прияхъ отъ ученикъ и съдѣльник его* (ЖтПБ, л. 64); *еже скудуеть утѣшити съпостникомъ от постных трудов и служебникомъ* (ЖПБ, 67 об.). Минейные редакции более ранних текстов дают формально усложненные модели: *съдѣльникъ* здесь усложняется за счет

суффиксального распространения до *съдѣственикъ* (*бывшии ученикъ и съдѣственикъ* (ЖтМК, стб. 760).

Гапакс *съподружебникъ* представляет собой словообразовательную модель, в которой аффиксы усиливают значение комитативности корневой морфемы. Подобный пример усиления значения корня – форма *садовіе*: аффиксы усиливают корневое значение собирательности.

Редупликация возникает, как правило, в назидательных фрагментах житий и выступает как средство создания сверхотвлеченного смысла и изложения. В повествовательных, событийных частях текстов «восхождение» от конкретно-бытового осуществляется с помощью лексических новаций. Так, в Житии Пафнутия Боровского, в главе, посвященной устройению церкви, рассказывается, как приглашенные иконописцы принесли еду в келью, чем нарушили одну из заповедей монастырской жизни. Описывая в подробностях эти яства, автор вместо нейтрального *нога* ('окорок') употребляет отглагольное существительное *ходило* (*агньче*) (ЖтПБ, л. 68 об.).

Окказиональность данной формы заключается в использовании непродуктивной в XVI веке модели deverбатов – наименований орудий труда и приспособлений на *-ло* (*крестило, хранило*). Стремление перевести в идеальный план выражения конкретно-чувственное содержание противоречит системе книжного языка, где конкретное значение выражено нейтральной формой.

Рассмотренные случаи являют собой идею стиля, данного не как осознание различия языковых стихий (существующих параллельно) и выбор между ними, а как поиск средств выражения с учетом системного арсенала языковых средств и системы книжного языка в целом (нейтральный фон). Сложившееся узуальное употребление сугубо книжных форм и использование гиперкорректных (оказиональных) образований приводят к появлению маркированных абстрактных по семантике форм.

Как показывают многочисленные примеры из текстов житий, основная сфера новаций при отталкивании от сложившегося разговорного употребления – словообразование, поскольку именно на этом уровне степени отвлеченности адекватно передаются в языке.

В абстрагировании на словообразовательном уровне представлены поиски существенного признака понятия – в уточнении и вместе с тем отвлеченности значения корневой морфемы. Важно также, что в процессе уточнения идеального содержания для текстов конца XV – XVI веков релевантным оказалось именно аффиксальное словообразование (ср.: представленность новообразований сложными словами в агиографии XIV – середины XV века). Семантика родового признака

шире видového по объему, но уже по содержанию, поэтому разработка признаков сакральной идеи – специфических средств выражения святости – приводила к появлению в текстах необычных, внесистемных форм, определяемых современным сознанием как риторические, искусственные. Генетически данные новообразования не являются ни архаизмами, присущими системе языка на более ранних ступенях ее развития, ни церковнославянизмами – это текстовые (синтагматические) элементы, в функциональном отношении выступающие в качестве средства выражения отвлеченного смысла.

Библиографический список

Аверина С.А., Азарова И.В., Алексеева Е.Л. Лексика и словообразование в русской агиографической литературе XVI века. Опыт автоматического анализа: монография / отв. ред. А.С. Герд. – СПб.: Санкт. – 1993. – 216 с.

Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте. – СПб.: Петербургское востоковедение. – 2006. – 624 с.

Колесов В.В. Слово и текст в древнерусской традиции // *Studien Zur russischen Sprache und Literatur.* Frankfurt am Main. – Bern – New York – Paris – Wien. – 1997.

Колесов В.В. Философия русского слова. – СПб.: ЮНА. – 2002. – 448 с.

Николаев Г.А. Русское историческое словообразование. – Казань: Казанский университет. – 1987. – 152 с.

Толстой Н.И. Славянская литературно-языковая ситуация // *Н.И. Толстой Избранные труды: в 3 т. – Т. 2.* – М.: Языки русской культуры. – 1998. – 542 с.

Источники

Житие Григория Пельшемского // Великие Минеи Четьи, сентябрь, дни 25–30. – СПб. – 1883. – стб. 2268–2296 (В тексте – ЖтГП).

Житие Дмитрия Прилуцкого // РНБ, Соф.собр. – СПб. – № 1320. л. – 78а–88. – XVI в. (В тексте – ЖтДП).

Житие Михаила Клопского // Великие Минеи Четьи, январь, дни 6–11. – М. – 1914. – стб. 734–740 (В тексте – ЖтМК).

References

Averina S.A., Azarova I.V., Alekseeva E.L. Leksika i slovoobrazovanie v russkoj agiograficheskoj literature XVI veka. Opyt avtomaticheskogo analiza: monografija / отв. red. A.S. Gerd. – SPb.: Sankt. – 1993. – 216 s.

Kolesov V.V. Filosofija russkogo slova. – SPb.: JuNA. – 2002. – 448 s.

Kolesov V.V. Russkaja mental'nost' v jazyke i tekste. – SPb.: Peterburgskoe vostokovedenie. – 2006. – 624 s.

Kolesov V.V. Slovo i tekst v drevnerusskoj tradicii // *Studien Zur russischen Sprache und Literatur.* Frankfurt am Main. – Bern – New York – Paris – Wien. – 1997.

Nikolaev G.A. Russkoe istoricheskoe slovoobrazovanie. – Kazan': Kazanskij universitet. – 1987. – 152 s.

Tolstoj N.I. Slavjanskaja literaturno-jazykovaja situacija // *N.I. Tolstoj Izbrannye trudy: v 3 t. – T. 2.* – M.: Jazyki russkoj kul'tury. – 1998. – 542 s.

Zhitie Dmitrija Priluckogo // RNB, Sof.sobr. – SPb. – № 1320, l. 78a–88, XVI v. (V tekste – ZhtDP).

Zhitie Grigorija Pel'shemskogo // Velikie Minei Chet'i, sentjabr', dni 25–30. – SPb. – 1883. – stb. 2268–2296 (V tekste – ZhtGP).

Zhitie Mihaila Klopskogo // Velikie Minei Chet'i, janvar', dni 6–11. – M. – 1914, stb. 734–740 (V tekste – ZhtMK).